

HISTORY OF THE EAST
Historiography, source critical studies,
historical research methods
ИСТОРИЯ ВОСТОКА
Историография, источниковедение,
методы исторического исследования

Научная статья

Исторические науки

УДК 94(947.1)

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-4-5-954-970>

**Кыпчакская элита Хорезма в начале XIII в.:
на примере биографии Кёзлик-хана**

Дмитрий Михайлович Тимохин

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,

horezm83@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9093-5269>

Аннотация. Мусульманские историки XII в., равно как и их более поздние продолжатели свидетельствуют об усилении присутствия выходцев из кыпчакского племенного союза в военной и административной системе Хорезма в годы правления 'Ала' ад-Дина Текиша (1172–1200) и 'Ала' ад-Дина Мухаммада (1200–1220). Несмотря на многочисленные примеры инкорпорирования выходцев из кочевой среды в состав указанной оседлой политики, далеко не обо всех из них мы находим большое количество сведений на страницах источников. Редким исключением в данном случае будет наместник Нишапура, Кёзлик-хан, чья биография во многом по причине проявленного им сепаратизма по отношению к власти хорезмшаха 'Ала' ад-Дина Мухаммада становится объектом внимания сразу нескольких мусульманских историков второй половины XII–XIII вв. В этой статье мы не только постараемся детально реконструировать историю жизни и гибели этого выходца из кыпчакской среды, но и показать какие механизмы инкорпорирования использовали хорезмийские правители по отношению к кочевникам, подчеркнем связь между Кёзлик-ханом и правящей в Хорезме династией Ануштегинидов и постараемся выделить причины, по которым даже эта связь не спасла в итоге наместника Нишапура от гибели. Несомненно, нами также будут показаны различные варианты описания причин, которые привели к бунту Кёзлик-хана, а также реконструирован маршрут его путешествия после бегства из Нишапура. Важно отметить, что по сведениям отдельных мусульманских историков, понимая безвыходность собственного положения, этот выходец из кочевой среды попытался не просто спасти свою жизнь, но и вернуться на хорезмийскую

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

службу, используя родственные связи с матерью хорезмшаха ‘Ала’ ад-Дина Мухаммада — Теркен-хатун. При этом одной из наиболее «темных» страниц в биографии Кёзлик-хана является его кратковременное пребывание в Кермане, где он попытался укрыться от гнева хорезмийского правителя, о чем также будет рассказано на страницах этой статьи.

Ключевые слова: Хорезм, кыпчаки, Кёзлик-хан, Нишапур, Керман, мусульманские истории

Для цитирования: Тимохин Д. М. Кыпчакская элита Хорезма в начале XIII в.: на примере биографии Кёзлик-хана. *Ориенталистика*. 2024;7(4-5):954–970. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-4-5-954-970>.

Original article

History studies

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-4-5-954-970>

The Qipchak elite of Khorezm at the beginning of the 13th century: The biography of Kōzlik Khan

Dmitry M. Timokhin

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
horezm83@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9093-5269>

Abstract. The 12th century. Muslim historians and their continuators testify the increased presence of immigrants from the Qipchak tribal union in the military and administrative system of Khorezm during the reign of ‘Ala’ad-Din Tekish (1172–1200) and ‘Ala’ad-Din Muhammad (1200–1220). Despite numerous evidence about the incorporation of “nomadic” people into the settled “politia”, not all of them have been sufficiently well described in historical sources. A rare exception is the governor of Nishapur, Kōzlik Khan. His biography, largely due to his separatist behaviour towards the government of Khorezm Shah ‘Ala’ad-Din Muhammad, attracted the attention of several Muslim historians from the second half of the 12th–13th centuries. The article offers an attempt to reconstruct in greater detail the life and death of this native of Qipchak. It also shows the ways and mechanisms the Khorezm rulers used to incorporate the nomads. The author emphasizes the connection between Kōzlik Khan and the Anushteginid dynasty which ruled in Khorezm and also tries to highlight the reasons why even this connection did not save the governor of Nishapur from death. The author displays various versions, which contain the description of the reasons that led to the rebellion of Kōzlik Khan. He also offers a reconstruction of the route of Kōzlik Khan's journey after he escaped from Nishapur. It is important to stress that according to some Muslim historians (who were aware of the fact that Kōzlik Khan's situation was hopeless) this “ex-nomad” tried not only to save his life but made efforts to return to Khorezm. To achieve this he used family ties, namely the connection with Terken-Khatun, the mother of Khorezm Shah ‘Ala’ al-Din Muhammad. At the same time, one of the most obscure pages in the biography

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

of Kōzlik Khan is his short stay in Kerman, where he tried to hide from the wrath of the Khorezm ruler.

Keywords: Khorezm, Qipchaks, Kōzlik Khan, Nishapur, Kerman, Muslim historians

For citation: Timokhin D. M. The Kipchak elite of Khorezm at the beginning of the 13th century: the biography of Kōzlik Khan. *Orientalistica*. 2024;7(4-5):954–970. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-4-5-954-970>.

Введение

Военный и политической союз между правившей в Хорезме династией Ануштегинидов и кыпчакским племенным объединением, который сложился во второй половине XII в. и просуществовал вплоть до начала монгольского нашествия, сравнительно подробно описан средневековыми мусульманскими историками. Достаточно вспомнить сведения из «Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны», где прямо указано на династийные браки между хорезмийскими правителями и представителями кочевой элиты кыпчаков. «Кыпчакские племена были связаны с этим домом (хорезмшахов) дружбой и любовью, так как и в давние времена, и ныне у них рождались дети только от матерей из числа посватанных и введенных в этот дом дочерей кыпчакских владык» [ан-Насави, 1973, с. 220]. Можно дискутировать относительно того, все ли правители Хорезма были женаты на представительницах кыпчакского племенного союза, однако с уверенностью можно говорить о том, что сами по себе династийные браки, сколько бы их ни было в случае с Ануштегинидами, становились своего рода «социальными лифтами» не только для участников брачных отношений, но и для их родственников, позволяя им переходить на хорезмийскую службу и инкорпорироваться в состав военной и административной системы Хорезма. В отличие от более раннего периода, вторая половина XII — начало XIII в. стало временем многочисленных «вливаний» кыпчаков в состав хорезмийской элиты, а также их последующего присутствия на ключевых постах в государстве хорезмшахов. Вполне очевидно, что начало данного процесса связано с браком правителя Хорезма 'Алā' ад-Дīном Текишем (1172–1200) с представительницей кочевой элиты кыпчаков, известной в историографии под лакабом Теркен-хатун (см.: [Тимохин, Тишин, 2018, с. 83–103]), который был заключен, согласно мусульманским источникам, в самом начале 1180-х гг. [Ta'rikh-i-Jahān-gushā..., 1916, s. 198; Ṭabakāt-i-Nāsirī..., 1881, vol. I, p. 240]. Следуя логике мусульманских историков и географов XII–XIII вв., именно после этого события количество кыпчаков на хорезмийской службе значительно увеличилось.

В классических исследованиях по истории Хорезма и кочевых тюркских племен восточного Дешт-и Кыпчака сам факт кыпчакского присутствия на хорезмийской службе не оставался без соответствующего внимания, однако зачастую рассматривался как политический и социальный процесс без должного внимания к персоналиям (см., например: [Агаджанов, 1969; Ахинжанов, 1995; Бартольд, 1963, с. 45–597; Буниятов, 1986; Kafesoğlu, 1956]). Речь идет о конкретных представителях кочевой элиты, которые были включены в состав военной и административной системы Хорезма, а их биографии —

представлены в составе тех или иных мусульманских исторических сочинений¹. Впрочем, нельзя сказать, что данной проблематикой вообще не интересовались исследователи, однако реконструкции биографий отдельных персоналий до сих пор не было посвящено ни одного специального исследования². Одним из заметных представителей кыпчакской элиты был Кёзлик-хан (كزك خان), чья жизнь и деятельность нашла свое отражение в трудах Ибн ал-Асйра и 'Алә ад-Дйна 'Атā Малика Джувайни, которые давно и хорошо известны специалистам. В этой статье, помимо сведений о Кёзлик-хане из памятников упомянутых выше мусульманских историков, будет представлена информация о нем, которую приводит более ранний и менее известный автор — Афзал ад-Дйн Керманй. Сведения из труда последнего помогут сравнить данные из «локальной историографии» Кермана с информацией из «больших нарративов», что позволит более детально реконструировать биографию Кёзлик-хана как одного из представителей кыпчакской элиты Хорезма.

Ибн ал-Асйр

В сочинении этого историка, известного исследователям под именем «ал-Камил фй ат-Тарйх», биография Кёзлик-хана описана следующим образом. В главе, посвященной событиям 604 г. х. (1207 / 1208 г.) он упоминается в качестве хорезмийского наместника Нишапура: «Эмира Кезлик-хана, одного из родственников его матери и знатнейших людей государства, он (т. е. хорезмшах. — Д. Т.) назначил правителем Нишапура и выделил ему войско (و ولی الامیر کزک خان وهو من اقرب امته واعيان دولته بنيسابور وجعل معه عسکرا)» [Ибн ал-Асир, 2006, с. 326; *Ibn-el-Athiri Chronicon...*, 1853, s. 172]. Также отмечается участие этого кыпчакского наместника в неудачной осаде Герата, который сумел устоять несмотря на многочисленное осаждавшее его хорезмийское войско [Ибн ал-Асир, 2006, с. 328; *Ibn-el-Athiri Chronicon...*, 1853, s. 173]. Поскольку в том же 604 г. х., помимо осады Герата, также велась война с кара-китаями, сам хорезмшах 'Алә' ад-Дйн Мухаммад лично принял в ней участие и попал в плен к противнику. Этим решили воспользоваться региональные наместники его державы, в том числе и Кёзлик-хан: «Сестра Кезлик-хана, владетеля Нишапура, который в это время осаждал Герат, послала к нему, сообщая о случившемся. Когда к нему пришла эта вест, он ночью ушел к Нишапуру. Это заметил эмир Амин ад-дин Абу Бакр, владетель Завзана, и вместе с находившимися при нем эмирами хотел было задержать его. Однако, опасаясь, что между ними произойдут столкновения, из-за которых жители Герата смогут напасть на них,

¹ Здесь отдельно хотелось бы отметить статью В. В. Тишина, в которой автор разобрал ономастику и титулатуру всех известных по средневековым мусульманским источникам представителей кыпчакской элиты на службе Хорезма. Первая часть его работы увидела свет на страницах журнала «Восток» в этом году [Тишин, 2024].

² В частности, в классической работе З. М. Буниятова содержится весьма подробное описание действий этого представителя кыпчакского племенного союза на службе у хорезмшаха 'Алә' ад-Дйна Мухаммада (1200–1220), однако оно базируется лишь на сведениях Ибн ал-Асйра и Джувайни. При этом автора очевидно интересует не столько сам Кёзлик-хан, сколько политические и военные события, происходившие в пределах Хорасана в начале XIII в. [Буниятов, 1986, с. 70–71, 73–75].

выступят против них и добьются в отношении них того, чего хотят, он воздержался от противодействий ему. Хорезмшах еще раньше разрушил стены Нишапура, когда отнял его у гузов. Кезлик-хан начал восстанавливать их и завез в город большой запас продовольствия. Он увеличил число воинов и решил завладеть Хорасаном, если подтвердится пропажа султана [хорезмшаха]. Весть об исчезновении хорезмшаха дошла и до его брата 'Али-шаха, который находился в Табаристане. Он стал призывать [в проповедях] к подчинению ему самому и прекратил проповедовать в пользу брата, готовясь к обретению султанства. В Хорасане возникли большие волнения» [Ибн ал-Асир, 2006, с. 329; *Ibn-el-Athiri Chronicon...*, 1853, s. 174].

Последнее сообщение о Кёзлик-хане в «ал-Камйль фй ат-Тарйх» помещено в тот же раздел о событиях 604 г. х. и связано с возвращением хорезмшаха 'Аля́ ад-Дйна Мухаммада из кара-китайского плена. «Когда хорезмшах вернулся [из плена] в Хорезм, до него дошли сведения о том, как поступили Кёзлик-хан, его [хорезмшаха] брат 'Али-шах и другие. Хорезмшах отправился в Хорасан. За ним последовали войска, но они оторвались от него. Хорезмшах прибыл к [Нишапуру, столице] Хорасана на шестой день [всего] с шестью всадниками. Узнав о его прибытии, Кёзлик-хан забрал свое имущество и воинов и бежал в Ирак» [Ибн ал-Асир, 2006, с. 330; *Ibn-el-Athiri Chronicon...*, 1853, s. 175]. Резюмируя все сообщения этого арабского историка относительно биографии Кёзлик-хана, можно сделать несколько любопытных выводов: прежде всего, для Ибн ал-'Асйра это всего лишь один из мятежных наместников, пусть и являющийся родственником правящего хорезмшаха. Ему не отведена отдельная глава в составе «ал-Камйль фй ат-Тарйх», а сведения о нем присутствуют в нескольких тематических разделах за один и тот же год. Мусульманского историка не интересует дальнейшая судьба этого наместника Нишапура после того, как хорезмийские войска во главе с самим 'Аля́ ад-Дйном Мухаммадом подошли к этому городу. Согласно Ибн ал-'Асйру, Кёзлик-хан со всей своей свитой и имуществом просто бежал в Ирак, а его последующие действия остаются без внимания автора «ал-Камйль фй ат-Тарйх». Таким образом, если опираться на сведения этого исторического сочинения, перед нами вполне заурядный пример того, как выходец из кочевой среды, получив высокий пост в составе оседлой политики, предпринимает неудачную попытку бунта с целью укрепить собственную власть в конкретном регионе, однако, потерпев неудачу, он просто сбегает перед лицом опасности. Впрочем, необходимо рассмотреть и другие версии биографии Кёзлик-хана, которые предлагают мусульманские авторы XIII в.

'Аля́ ад-Дйн 'Ата́ Малик Джувайнй

Автор «Та'рйх-и джахангушай-и» впервые упоминает Кёзлик-хана в главе «О том что случилось с Хармилом после возвращения султана» [*Ta'rikh-i-Jahán-gushá...*, 1916, s. 66–69], где указывается, что он находился в Шадийахе (شاديخ), являвшемся одним из кварталов Нишапура, и «вынул руку из рукава мятежа в Шадийахе» [*Ta'rikh-i-Jahán-gushá...*, 1916, s. 68]. Джувайнй здесь же сообщает о том, что история бунта Кёзлик-хана будет им рассказана в отдельной главе, которая следует сразу же за упомянутым выше разделом и носит название

«Рассказ о Кёзли и конце его дела» (نكر كزلی و عاقبت كار او) [*Ta'rikh-i-Jahán-gushá...*, 1916, s. 69–73]. В ней с самого начала Джувайни указывает на происхождение Кёзлик-хана, его связь с правящей династией Ануштегинидов и занимаемый пост в составе административной системы Хорезмийской державы. «Кёзли был тюрком и родственником матери султана Мухаммада. Ему был вверен эмират Нишапура (امارت نيشاپور), и управление всей этой землей находилось в его руках. Когда ему сообщили о некоторых подозрениях султана на его счет, он перепугался, и во время осады Герата (هراة), до того, как туда прибыл сам султан, бежал в Шадийах» [*Ta'rikh-i-Jahán-gushá...*, 1916, s. 69]. Если у Ибн ал-Асйра причина бунта Кёзлик-хана связана с поражением хорезмийской армии от кара-китаев и пленением самого хорезмшаха, то Джувайни предлагает иную причинно-следственную связь: у 'Алā' ад-Дйна Мухаммада возникают некоторые подозрения относительно наместника Нишапура, узнав о которых, тот, в свою очередь, распространяет слухи о поражении хорезмийской армии и последствиях этого события для того, чтобы захватить власть в свои руки и собрать с населения дополнительные подати [*Ta'rikh-i-Jahán-gushá...*, 1916, s. 69]. Это различие в повествованиях Ибн ал-Асйра и Джувайни является далеко не единственным, и становится вполне очевидным, что, несмотря на общие источники у обоих этих историков³, в данном случае более поздний персидский автор формировал свой нарратив о Кёзлик-хане, опираясь на сведения из иных текстов, нежели его более ранний арабский коллега.

Согласно сведениям Джувайни, Кёзлик-хан после захвата власти в Нишапуре сам отправляет посла ко двору хорезмшаха, поскольку «он считал, что как только стены и город будут укреплены, он будет владыкой динаров и дирхемов, а так как держава находится в бедственном положении, то султан испугается вероятных последствий и не захочет подвергнуть себя опасности, не причинит ему вреда и признает его равным себе» [*Ta'rikh-i-Jahán-gushá...*, 1916, s. 70]. Результат этого посольства оказался прямо противоположным ожиданиям мятежного наместника: вместо того, чтобы признать власть Кёзлик-хана в Нишапуре, 'Алā' ад-Дин Мухаммад возглавил против него карательный поход, а у этого кыпчакского вельможи не оказалось ни армии, ни иных средств, чтобы этому противостоять [*Ta'rikh-i-Jahán-gushá...*, 1916, s. 70]. В итоге Кёзлик-хан сначала бежит из Нишапура в пустыню, или пустынное место (بصحرا), в сопровождении свиты, небольшого количества войск и некоторых вельмож, чья имена указывает Джувайни [*Ta'rikh-i-Jahán-gushá...*, 1916, s. 70]. После этого мятежный наместник направляется в Таршиз (تارشيز), как указывает Джувайни, со своими тюрками и тазиками (با تترك و تازيك) [*Ta'rikh-i-Jahán-gushá...*, 1916, s. 70]. Однако, потерпев неудачу и здесь и не имея возможности захватить эту крепость, Кёзлик-хан бежит в Керман, и его уход в эти земли можно уверенно датировать, исходя из контекста рассказа Джувайни, 604 г. х. [*Ta'rikh-i-Jahán-gushá...*, 1916, s. 70].

³ Речь идет об отмеченном уже В.В. Бартольдом сочинении «Машариб ат-таджариб» Абу'л-Хасана Байхаки (Ибн Фундук), которое активно использовали, описывая, в частности, историю хорезмшахов, и Ибн ал-Асйр, и Джувайни, однако сам этот нарратив до нас не дошел и известен во многом благодаря трудам этих историков [Бартольд, 1963, с. 77–78].

Автор «Та'рих-и джахангушайн-и» не сообщает никаких подробностей о действиях Кёзлик-хана в Кермане, упомянув лишь о том, что в этом регионе он не добился успеха и, воспользовавшись тем, что 'Ала' ад-Дин Мухаммад со своей армией покинул Нишапур, попытался вернуть себе власть в этих землях [Ta'rikh-i-Jahán-gushá..., 1916, s. 71]. Впрочем, и эта попытка не увенчалась успехом: Кёзлик-хан вновь попытался захватить Таршиз (ترشيز), однако во время осады этой крепости на него напали войска испахбада из Туса (اصفهد بطوس)⁴, чье имя Джувайни не упоминает, и сорвали его планы по захвату этого региона [Ta'rikh-i-Jahán-gushá..., 1916, s. 71]. Несмотря на победу, которую чудом удалось одержать войску Кёзлик-хана над посланным против него карательным отрядом, ситуация для мятежного наместника складывалась не лучшим образом: «когда Кёзли понял, что в город (Таршиз. — Д. Т.) ему не войти, а испахбад пришел в Шадийах и султан находится у врат Герата, то задрожал, подобно птице с перерезанным горлом, и испугался подобно газели, которую преследуют охотники и ястребы» [Ta'rikh-i-Jahán-gushá..., 1916, s. 71]. Джувайни всячески подчеркивает, что уже в этой ситуации Кёзлик-хану советовали бежать в Хорезм и просить заступничества у матери хорезмшаха 'Ала' ад-Дйна Мухаммада, Теркен-хатун⁵, чьим родственником он являлся [Ta'rikh-i-Jahán-gushá..., 1916, s. 71]. Прежде чем воспользоваться этим советом, Кёзлик-хан решил прибегнуть к помощи одного из своих подчиненных, отправив его с отрядом для захвата крепостей тюрков-йазыров. «Среди них был один тюрок из йазыров⁶, который предложил: "Самое лучшее решение в нашем случае — отправиться в земли йазыров и подчинить там их крепости нашей власти. Я могу отправиться туда первым, оценить обстановку и, если удастся, захватить одну из таких крепостей"» [Ta'rikh-i-Jahán-gushá..., 1916, s. 71–72].

Это предприятие закончилось неудачно, и выходец из племени йазыров, находившийся на службе Кёзлик-хана, погиб, а его голова была отправлена хорезмшаху 'Ала' ад-Дину Мухаммаду [Ta'rikh-i-Jahán-gushá..., 1916, s. 72]. Впрочем, гораздо важнее отметить само упоминание йазыров в данном разделе «Та'рих-и джахангушайн-и», поскольку автор этого сочинения, хоть и выделяет их здесь неоднократно, — не указывает при этом, что же имеет в виду под землей йазыров. Надо отметить, что миграция данного кочевого объединения упоминается и в других мусульманских сочинениях XIII в., в частности у Мухаммада ибн Наджиба Бакра́на в его «Джāхан-нāмэ», где также фиксируется наличие у йазыров крепостей, которые они захватили и контролировали. «Йазыр (يزر). Тюрское племя. Оно пришло в земли Балхана и его горы. Затем к ним присоединилось племя из Мангышлака и другое племя из Хорасана, после чего они стали сильным и многочисленным племенем. Поэтому они покинули то место и пришли в Шахрастан (شهرستانه) и Фараву (فراو), а затем

⁴ В других списках اصفهد [Ta'rikh-i-Jahán-gushá..., 1916, s. 71, comm. 4].

⁵ В данном случае Джувайни не упоминает этот лакаб, а в тексте есть лишь указание на «мать султана» (والده سلطان), у которой надо просить защиты.

⁶ Несмотря на то, что в персидском тексте находится форма ترکمانی از یازر, которую можно вслед за Дж. Э. Бойлем перевести как «туркмен из Йазыров» [Juwaini, 1997, p. 338], однако перевод «тюрок из йазыров» кажется автору в данном случае более корректным. — Д. Т.

захватили крепость Так (طاق) и поселились там. Теперь они включают в себя три племени: настоящие языры (یَزیر خالس), мангышлаки (منقشلاغی) и барси (بارسی)» [Бакра̄н, 1960, л. 17а]. Безусловно, связать сообщение Джувайни с указанными топонимами из «Джāхан-нāмэ» было бы весьма заманчиво, однако отсутствие четких указаний в тексте «Та'рих-и джахāнгушāи-и» оставляет все это на уровне предположений.

Возвращаясь к истории Кёзлик-хана в изложении Джувайни, следует подчеркнуть тот факт, что после неудачной попытки отправиться в земли йазыров между Кёзлик-ханом и его сыном возник спор о дальнейших действиях. «Между Кёзли и его сыном и их спутниками возник спор. Его сын сказал: “Пойдем в Мавераннахр и поступим на службу и под покровительство хана Хитаев (خان ختای)”. Его отец сказал [на это]: “Отправимся [лучше] в Хорезм и найдем там покровительство и защиту у Теркен-хатун (ترکان خاتون)”» [Ta'rikh-i-Jahān-gushā..., 1916, s. 72]. В результате в отряде Кёзлик-хана произошел раскол, его сын покинул его, украв казну, и направился в Мавераннахр. По дороге туда он был убит, и его голова также была отправлена хорезмшаху 'Алā' ад-Дйну Мухаммаду [Ta'rikh-i-Jahān-gushā..., 1916, s. 72]. Кёзлик-хан же решил действовать по собственному плану и обратился за помощью к матери хорезмийского правителя, Теркен-хатун. Мятежный наместник прибыл в Хорезм и был принят этой правительницей, которая дала ему следующий совет, как спасти свою жизнь и получить расположение хорезмшаха. «Ты сможешь все исправить, если в одежде суфия (в лохмотьях در لباس خرقه — Д. Т.) поселишься у гробницы султана Текиша. Возможно, султан в этом случае скалится и простит тебе твои ошибки» [Ta'rikh-i-Jahān-gushā..., 1916, s. 73]. Несмотря на то, что Кёзлик-хан воспользовался этим советом хорезмийской правительницы, он все равно был убит при обстоятельствах, о которых сам Джувайни не сообщает никаких подробностей. Впрочем, гораздо важнее отметить датировку этого события, которая указывается в «Та'рих-и джахāнгушāи-и»: в конце раздела «Рассказ о Кёзли и конце его дела» этот персидский историк пишет об ужасном землетрясении, случившемся, как и убийство Кёзлик-хан, «в том же шестьсот пятом году (1208 / 1209 г. — Д. Т.)» [Ta'rikh-i-Jahān-gushā..., 1916, s. 73].

Таким образом, в рассказе о мятежном наместнике Нишапура из сочинения Джувайни можно отметить несколько важных моментов. Первый из них касается связи между Кёзлик-ханом и Теркен-хатун, которая оказывает первому покровительство даже несмотря на ту смуту против ее собственного сына, в которой он принял участие. Подобный пример патронажа со стороны хорезмийской правительницы заставляет еще раз подчеркнуть значение личных связей между представителями кочевой элиты и правящей династией Ануштегинидов (подробнее см.: [Тимохин, 2024]). Безусловно, подобное покровительство имело негативные последствия для Хорезмийской державы, однако в данном случае даже оно не смогло спасти Кёзлик-хана, равно как и образ жизни суфия, к которому он прибег, спасая свою жизнь. Джувайни прямо подчеркивает, что, проживая у гробницы султана Текиша, бывший наместник Нишапура вел жизнь суфия, и в таком случае его убийство свидетельствует о том, что даже подобная практика не могла спасти жизнь мятежника. Несомненно, что рассказ Джувайни гораздо более подробен, нежели

приведенные выше свидетельства Ибн ал-'Асйра, однако и в «Та'рйх-и джахан-гушайи-и» есть сюжет, помимо непосредственно убийства Кёзлик-хана, который описан без необходимых подробностей. Речь идет о пребывании наместника Нишапура в Кермане, о котором Джувайнй лишь вскользь упоминает, зато другой и более ранний мусульманский историк пишет очень подробно — это Афзал ад-Дйна Керманй.

Афзал ад-Дйна Керманй

Традиция «локальной историографии» была заложена в Кермане во многом благодаря сочинениям Афзал ад-Дйна Керманй: его влияние на более поздние исторические сочинения, написанные авторами, связанными с указанным регионом, отчасти рассматривалось автором статьи в более раннем исследовании (см.: [Тимохин, 2023, с. 177–188]). При этом биография и письменное наследие этого мусульманского историка второй половины XII — начала XIII в. достаточно хорошо известны специалистам [*A History of Persian Literature*, 2012, p. 153; *Bāstānī Pārīzī*, 1985, p. 599]. Важно отметить при этом, что из четырех известных исследователям сочинений, принадлежащих перу Афзал ад-Дйна Керманй, а именно «'Экд ал-'Олā ле'л-маукеф ал-'алā», «Бадāйе' ал-азмāн фи вакāйе'-е Керман», «Салāх ал-сехāх фи'л-тебб» и «ал-Мозāф елā Бадāйе' ал-азмāн» [*Bāstānī Pārīzī*, 1985, p. 599], наиболее интересно в данном случае последнее. Это историческое сочинение, которое является продолжением «династийной истории», то есть «Бадāйе' ал-азмāн»⁷, написанной этим историком во второй половине XII в. [*Bāstānī Pārīzī*, 1985, p. 599]. Что касается этого продолжения, а именно «ал-Мозāф елā Бадāйе' ал-азмāн», то стоит отметить некоторые дискуссионные моменты, связанные с ним. Уже издатель текста этого сочинения А. Экбаль сообщает о нем следующие сведения: «В самом начале 613 года (1216 / 1217 г. — Д. Т.) или чуть позже, когда власть амиров гуззов, Шабанкарэ и атабеков Фарса в пределах Кермана в значительной степени ослабла, и тогда в этом регионе и вплоть до восточной границы Мекрана и почти до Хармуза распространилась власть малика Зузана Муизз ал-Малика Гуйам ад-Дина, который, будучи подчиненным султана 'Алā' ад-Дйна Мухаммада, включил эти земли в державу хорезмшаха. Десять или двенадцать лет после того, как Афзал Мунши Керманй завершил свою большую историю, “Бадāйе' ал-азман”, вышеуказанный автор написал дополнение к этой книге. Датировка этого события и самого текста осуществлена по двум персонам государственных деятелей, имена которых не могли никак

⁷ Аббас Экбаль в предисловии к изданию «ал-Мозāф елā Бадāйе' ал-азмāн» отмечает, что текст «Бадāйе' ал-азмāн» в полной мере до нас не дошел. «Искусный секретарь и знаменитый историк Кермана Абу Хамад Хамид ад-Дин Ахмад ибн Хамад по прозвищу Афзал Керманй писал в мукаддаме к своему известному сочинению под названием «Бадāйе' ал-азман фи вакāйе'-е Керман», полный вариант которого, к сожалению, до нас не дошел, и лишь обширные отрывки, заимствованные из него, есть в «Джами' ат-таварих» Хасани и «Таварих-е Сальджукийе Керман», компилятивном сочинении Мухаммада ибн Ибрахима, и краткое изложение его содержания в разделе из «Зубдат ат-таварих» Джамал ад-Дина Абу ал-Касыма Кашани, а иных отрывков из него не найдено» [Kermānī, 1331, s. 1].

фигурировать в тексте “Бадāйе’ ал-азман”, однако в этом сочинении встречаются. По источникам, которые нам известны, название этого сочинения “ал-Мозāф елā Бадāйе’ ал-азмāн”, как мы и будем называть его далее» [Kermānī, 1331, s. ɟ].

Сама по себе датировка написания этого источника базируется на упоминании политических деятелей, которых не могло быть в более раннем тексте «Бадāйе’ ал-азмāн», а его, в свою очередь, по указанию А. Экбала, следует датировать 601 или 603 г. х. (1204 / 1205 или 1206 / 1207 г. соответственно), что дает достаточно большой перерыв между созданием двух этих памятников. Впрочем, на это же обратил внимание и А. Экбаль в предисловии к упомянутому изданию: «В этом продолжении (т.е. «ал-Мозāф елā Бадāйе’ ал-азмāн». — Д. Т.) до сих пор не найдено никакого раздела или главы, или цитаты с упоминанием написавшего его, и даже время его обнаружения остается для нас неизвестным, поскольку автор «Бадāйе’ ал-азмāн» вслед за составлением текста этой книги при жизни написал и другие исторические сочинения, которых со времени его юности и до конца его жизни набралось более десятка. Что касается времени составления этого дополнения, то к тому времени уважаемому Афзалу Мунши было шестьдесят или даже более лет, поскольку к моменту написания этой истории прошло много времени его жизни. А о конце его жизни мы ничего не знаем, поскольку монгольское нашествие, охватившее спустя три года земли Ирана, унесло информацию о нем» [Kermānī, 1331, s. ɟ]. Таким образом, авторство Афзал ад-Дйна Кермāни в отношении интересующего нас сочинения отнюдь не является решенной проблемой, однако дискутировать на данную тему здесь излишне, поскольку это предмет специального исследования.

Возвращаясь к интересующему нас тексту отметим, что, согласно указанию М. Бастаны Паризи [Bāstānī Pāgīzī, 1985, p. 599], в «ал-Мозāф елā Бадāйе’ ал-азмāн» предлагается изложение событий в Кермане вплоть до 1216 г. и именно на его страницах нашло свое отражение путешествие Кёзлик-хана в Керман, о чем лишь упоминает в своем рассказе приведенный нами выше Джувайнī. Более того, этому событию посвящена целая глава, названная автором «Рассказ о приходе Кезли-хана Хорезми в Керман», которая, впрочем, при ближайшем рассмотрении отнюдь не целиком посвящена интересующему нас событию [Kermānī, 1331, s. 38–44], а указанная историческая личность нигде более в других разделах этого исторического сочинения не упоминается. При этом также стоит отметить, что текст «ал-Мозāф елā Бадāйе’ ал-азмāн» сравнительно редко использовался исследователями для реконструкции истории Кермана как в начале XIII в., так и применительно к более раннему периоду [Агаджанов, 1969, с. 241–245; Sümer, 1972, s. 123–126; Merçil, 1989, s. 114–124; Köymen, 1943, s. 127–134]. Ниже будет подробнее освещено содержание раздела, посвященного Кёзлик-хану, в составе указанного сочинения Афзал ад-Дйна Кермāни.

Прежде всего, хотелось бы отметить сведения, которые можно найти в «ал-Мозāф елā Бадāйе’ ал-азмāн» относительно жизни Кёзлик-хана до его бегства в Керман, и здесь бросается в глаза очевидно негативное отношение автора к этой исторической личности. «Начало этого события и рассказа свя-

зано с тем временем, когда султан хорезмшах Мухаммад назначил наместником Нишапура Джамал ад-Дина Кёзли-хана (جمال الدين كزلى خان). И та область в качестве вилайета была ему вверена, и в руки его были вверены управление, руководство и суд Нишапура. А тот Кёзли-хан являлся закоренелым жестоким неверным, так что поток событий смешали в нем неверие и Ислам, а состояние дел в те годы становилось бедственным и благополучие из дня в день умалялось» [Kermānī, 1331, s. 38]. Далее Афзал ад-Дин Кермāни описывает ситуацию в Хорезмийской державе и сам бунт Кёзлик-хана. «А в Хорезме и Хорасане многие земельные наделы и владения приобретались и подделывались царские документы, и страсть к обогащению и грабежу проникала в сердца. Его алчная душа постоянно жаждала и требовала насыщения, и он в Нишапур перекрыл дороги и перестал воздерживаться от мучений [его жителей. — Д. Т.], а его свита и слуги никак не могли воспрепятствовать этому недостойному поведению» [Kermānī, 1331, s. 38–39]. Это последнее замечания резко отличает рассказ Афзал ад-Дина Кермāни от сведений, приведенных по этому поводу Ибн ал-Асйром и Джувайни: эти авторы подчеркивают стремление наместника Нишапура к отделению от Хорезмийской державы на фоне поражения 'Алā' ад-Дина Мухаммада с борьбе с кара-китаями, а автор «ал-Мозāф елā Бадāйе' ал-азмāн» указывает на разбой и произвол, которые творились с разрешения Кёзлик-хана, и именно это вызвало негодование со стороны правителя Хорезма.

«В шестьсот пятом году лунном, когда вазир султана войска Хорезма в вратам Герата (هرات) привел, чтобы окружить [этот город] и освободить тот край, Кёзли всех эмиров и всех служивших ему собрал, всех воинов своих на лошадях отправил на караванные дороги, и там они грабили и убивали людей и расхищали имущество. И весть об этом бедствии достигла вазира, он приказал выяснить все о происходящем и тех разбойников схватить, — и многие из них оказались схвачены. Кёзли-хан свое участие в этом отрицал и вазира упрекнул так: зачем их умертвили, если у них было мое знамя и мое разрешение? Вазир в виду своего высокого положения и уверенности в законности собственных действий дал ему такой остроумный ответ: разбой был учинен, и страдания мусульманам они причинили, после чего по заслугам разбойничьим получили награду. И если ты от падишаха Хорасана за подобные мои действия попытаешься получить виру, то награда тебя ожидает ровно такая же» [Kermānī, 1331, s. 39].

Как видно из этого фрагмента, перед нами первое противоречие с сообщениями Ибн ал-Асйра и Джувайни, поскольку оба поздних автора датируют мятеж Кёзлик-хана 604 г. х., в то время как у Афзал ад-Дина Кермāни события происходят в 605 г. х. Второй момент, как уже было отмечено, касается самого мятежа, который в «ал-Мозāф елā Бадāйе' ал-азмāн» выглядит скорее как грабеж местного населения и торговцев, нежели как выступления против власти хорезмшаха. Впрочем, получив такой ответ от вазира, Кёзлик-хан не остановился в разбое и грабежах, а, вернувшись из-под Герата в Нишапур, подверг разорению этот город и его жителей. «Внезапно он объявился в городе, так что люди и райаты вилайета об этом не были осведомлены, а знали о том лишь наместник и хаким вилайета. Он запер в город все ворота

и захватил слугителей дивана, знать вилайета и богатых горожан и подверг их многочисленным пыткам, и [благодаря этому] получил огромное имущество и бесчисленное богатство» [Kermānī, 1331, s. 39].

Согласно тексту Афзал ад-Дйна Кермāни, только после этого Кёзлик-хан решил бежать из Нишапура в Керман, и этот персидский историк весьма подробно описывает количество сопровождающих его людей: «Затем он собрал своих близких и домочадцев и в сопровождении пяти сотен всадников и двухсот пехотинцев и лучников и вместе с бесчисленной казной отправился в Керман» [Kermānī, 1331, s. 39]. Сам поход Кёзлик-хана в этот регион объясняется автором тем, что земли Кермана были разорены войсками Фарса, а его правитель, которого Афзал ад-Дйна Кермāни называет не иначе, как «падишах Ислама наследник престола Сулеймана» [Kermānī, 1331, s. 39], был в этот момент занят осадой Бама, который был захвачен гуззами [Kermānī, 1331, s. 39]. «Кёзли клыками жадности решил вцепиться в Керман и, когда страх перед врагами обуял его, а прежнее местопребывания в Тебесе (طبس) перестало быть безопасным, направился в Керман. Он достиг пределов Бехубада (بهاباد)⁸ и увидел там посеы и уничтожил их, а затем отправился в сторону Кубнана (كوبنان) и, где бы ни встретил зеленеющие посеы, — уничтожал! А затем отправился в Заранд (زرند) и незаконно посеы того вилайета уничтожил, и целью и намерением своим сделал оставить от этих земель кожу да кости» [Kermānī, 1331, s. 40]. В этом отрывке, помимо того, что Афзал ад-Дйн Кермāни детально описывает маршрут путешествия Кёзлик-хана и его свиты, бросается в глаза целенаправленное уничтожение посеов, что делает присутствие бывшего наместника Нишапура в этих землях больше похожим на карательный поход, нежели на попытку закрепиться в регионе. Вероятно, такое поведение Кёзлик-хана и его людей можно объяснить тем, что они хотели получить от местной власти нечто вроде «выкупа» за прекращение подобных действий в отношении населения и посевных площадей. В качестве подтверждения этой гипотезы можно привести письмо самого Кёзлик-хана, содержание которого частично приводит Афзал ад-Дйн Кермāни: «Я пришел к падишаху, и я его гость! И по единодушному нашему решению эта дерзость была проявлена, и я урожай [этих земель] заберу. Если же падишах меня упрекнет за это, то пусть откуп выплатит» [Kermānī, 1331, s. 40].

Впрочем, если верить сведениям рассказа о Кёзлик-хане в «ал-Мозāф елā Бадāйе' ал-азмāн», подобные требования остались без внимания со стороны региональной власти, а сам бывший наместник Нишапура укрепился в Раваре (راور), рассчитывая, вероятно, на то, что «падишах Ислама наследник престола Сулеймана» будет занят покорением гуззов и оставит его в покое. Однако после некоторых разведывательных действий, которые возглавил великий хаджеб Амир Изз ад-Дин Фазалун (امير عز الدين فضلون) [Kermānī, 1331, s. 40], присутствие Кёзлик-хана в Кермане было решено прекратить военным путем. «Падишах, прочтя написанное, покинул военный лагерь и направился устранять эту проблему, и когда он достиг Райина (رايين) у Равара, где было место-

⁸ Относительно локализации этого поселения см.: [Kermānī, 1331, s. 40, comm. 1].

пребывание Кёзли, они пошли на хитрость: ночью множество огней зажгли в пустыне и стали бить в барабаны. Кёзли узнал об этом и ночью из ворот Равара бежал, нанеся многие разрушения и забрав собранное зерно и вьючных животных. Когда слух о бегстве его достиг падишаха, благословенные узды от Райина в сторону Джашара и Сарду (جشار و ساردو) направил» [Kermānī, 1331, s. 40–41]. Хотя этим сообщением раздел «Рассказ о приходе Кезли-хана Хорезми в Керман» в сочинении Афзал ад-Дйна Кермāни не заканчивается, далее в нем отсутствует какая-либо информация относительно интересующей нас исторической личности, а вплоть до конца главы повествуется о борьбе с гуззами и наведении порядка в землях Кермана [Kermānī, 1331, s. 41–44].

Крайне любопытно, что описание военной хитрости с множеством разведенных огней и ударов в барабаны, которую использовали, чтобы изгнать Кёзлик-хана, напоминает рассказ о сражении на Тургайской равнине, где нечто подобное применили монголы дабы обмануть хорезмшаха 'Ала' ад-Дйна Муḫаммада (см.: [Тимохин, Тишин, 2017, с. 516–534]).

Заключение

Подводя итоги, еще раз отметим, что история Кёзлик-хана представляет собой уникальный пример подробного описания биографии представителя кыпчакской кочевой элиты на хорезмийской службе, входящего в состав сразу нескольких памятников мусульманской историографии. Отчасти это можно объяснить тем, что данный исторический персонаж, занимая сравнительно высокий пост в административной системе Хорезмийской державы, поднял бунт против центральной власти, впрочем, довольно быстро подавленный. Подобное внимание историографов к этому эпизоду можно объяснить и тем, что многие мусульманские авторы XII–XIII вв. достаточно настроенно относились к выходцам из кочевой среды на службе правителей оседлых политий, а пример бунта Кёзлик-хана для средневековых хронистов являлся подтверждением справедливости их негативной оценки верности кочевников. Нелицеприятные осуждающие эпитеты в отношении наместника Нишапура содержатся в приведенных выше цитатах из сочинения Афзал ад-Дйна Кермāни, а в отношении кочевой элиты на хорезмийской службе такие же негативные описания можно найти у некоторых авторов первой половины XIII в. (см., например: [ан-Насави, 1973, с. 126]). Впрочем, в «ал-Мозāф ела Бадāйе' ал-азмāн» эти негативные высказывания имеют ярко выраженную религиозную окраску, поскольку автор этого сочинения, очевидно, считает Кёзлик-хана и его людей «полумусульманами» [Kermānī, 1331, s. 40].

Возвращаясь к сравнению нарративов о Кёзлик-хане в сочинениях Афзал ад-Дйна Кермāни, Ибн ал-'Асйра и Джувайнй, стоит отметить, что последние двое датируют интересующие нас события 604 г. х., в то время как более ранний автор несколько раз указывает на 605 г. х. При этом заметна разница и в описании предыстории «бунта» Кёзлик-хана, который, согласно сообщениям Афзал ад-Дйна Кермāни, приказывает своим людям заниматься разбо-

ем и грабежом населения, что вызывает недовольство со стороны хорезмшаха и его чиновников и заставляет наместника Нишапура бежать в Керман.

У более поздних авторов на первый план выходит желание Кёзлик-хана захватить власть в доверенном ему регионе на фоне внешнеполитических неудач Хорезма и отделиться от этой державы. Его бегство, в свою очередь, обусловлено походом против него самого хорезмшаха 'Алā' ад-Дйна Мухаммада: при этом общим местом у Ибн ал-'Асйра и Джувайни является родство Кёзлик-хана с правящей в Хорезме династией Ануштегинидов, о чем совершенно ничего не сообщает Афзал ад-Дйна Кермāни. В его рассказе в принципе мало сведений о Хорезме, что можно объяснить специфической «оптикой» автора, в центре которой был Керман и его история. Впрочем, именно благодаря этому до нас дошел исключительно интересный рассказ о пребывании Кёзлик-хана в этом регионе и о его действиях по отношению к местным правящим элитам и населению. Другой особенностью этой части «ал-Мозāф елā Бадāйе' ал-азмāн» следует признать абсолютное молчание о дальнейшей судьбе наместника Нишапура после того, как он покинул пределы Кермана, — это абсолютно не интересовало автора, поскольку не имело уже никакого отношения к истории родного ему региона.

Несмотря на разницу в описании «бунта» Кёзлик-хана в приведенных в данной статье исторических источниках, в них можно увидеть и определенный общий сюжет — это маршрут путешествия наместника Нишапура. Все три автора указывают на то, что после начала «бунта» Кёзлик-хан покидает свою резиденцию и с верными ему людьми бежит в Керман, а после неудачи там, согласно Ибн ал-'Асйру и Джувайни, пытается вновь вернуться в Нишапур. Отсутствие данных по этому поводу у Афзал ад-Дйна Кермāни объясняется, как уже отмечалось выше, специфической задачей, которую историк ставит перед собой в «ал-Мозāф елā Бадāйе' ал-азмāн». При этом приведенный выше анализ трех исторических сочинений демонстрирует в большей степени отличия в описании судьбы Кёзлик-хана; наиболее исчерпывающий рассказ по этому поводу содержится лишь у Джувайни. Безусловно, последний почти ничего не сообщает о деятельности наместника Нишапура в Кермане, однако лишь он подробно рассказывает обо всех его действиях вплоть до гибели. Несомненно, Афзал ад-Дйна Кермāни, Ибн ал-'Асйра и Джувайни черпали свои сведения о данной исторической личности из разных источников, что подтверждает анализ сюжета о нем у всех троих, в котором больше отличий, чем сходных черт.

В связи с этим представляется крайне важным, в частности при реконструкции судьбы того или иного представителя кыпчакской элиты на хорезмийской службе, привлекать не только «большие нарративы», но и памятники локальной историографии, чьи сведения могут оказаться крайне полезны, как это было в случае с «ал-Мозāф елā Бадāйе' ал-азмāн». Автор надеется, что эта статья привлечет внимание к такого рода мусульманским историческим сочинениям и их информационному потенциалу, а также поспособствует более детальному изучению биографий выходцев из кыпчакского племенного союза, оказавшихся на хорезмийской службе.

Список литературы / References

1. Агаджанов С. Г. *Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв.* Ашхабад: Ылым, 1969 [Agadzhanov S. G. *Essays on the history of the Oghuz and the Turkmens of Central Asia 9th–13th centuries.* Ashkhabad: Ylym, 1969 (in Russian)].
2. Ибн ал-Асир. «Ал-Камил фи-т-тарих» «Полный свод по истории». *Избранные отрывки.* Пер. П. Г. Булгакова, Ш. С. Камолитдина. Ташкент: Узбекистан, 2006 [Ibn al-Athir. *“Al-Kamil fi-t-Tarikh” “Full arch of history”.* *Selected passages.* Transl. by P. G. Bulgakova, Sh. S. Kamoliddina. Tashkent: Uzbekistan, 2006 (in Russian)].
3. Ахинжанов С. М. *Кипчаки в истории средневекового Казахстана.* Алма-ата: Гылым, 1995 [Akhinzhanov S. M. *Qipchaks in the history of medieval Kazakhstan.* Alma-Ata: Gylym, 1995 (in Russian)].
4. Мухаммад ибн Наджиб Бакран. *Джахан-наме («Книга о мире»).* Издание текста, введение и указатели Ю. Е. Борщевского. М.: ГРВЛ, 1960. [Muhammad ibn Najib Bakran. *Jahan-nameh (“The Book of the World”).* Ed. of the text, introd. and indexes of Yu. E. Borshchevsky. Moscow: GRVL, 1960 (in Persian)].
5. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. В: Бартольд В. В. *Сочинения.* Т. I.: *Туркестан в эпоху монгольского нашествия.* М.: Наука, 1963 [Bartol'd V. V. *Turkestan during the Mongol invasion.* In: Bartol'd V. V. *Works.* Vol. I: *Turkestan during the Mongol invasion.* Moscow: Nauka, 1963 (in Russian)].
6. Буниятов З. М. *Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов 1097–1231 гг.* М.: Наука, 1986 [Buniyatov Z. M. *The Khorezm state of Anushteginids 1097–1231.* Moscow: Nauka, 1986 (in Russian)].
7. ан-Насави, Шихаб ад-Дин Мухаммад. *Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны.* Пер. З. М. Буниятов. Баку: Элм, 1973 [an-Nasawi, Shihab al-Din Muhammad. *The biography of Sultan Jalal al-Din Mankburny.* Trans. by Z. M. Buniyatov. Baku: Elm, 1973 (in Russian)].
8. Тимохин Д. М. Феномен поздней кара-китайской историографии: Насир ад-Дин Мунши Кермани и его исторический труд. *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность.* 2023. № 5. С. 177–188 [Timokhin D. M. The phenomenon of late Kara-Chinese historiography: Nasir al-Din Munshi Kermani and his historical work. *Vostok (Oriens). Afro-Asian Societies: History and modernity.* 2023. No. 5, pp. 177–188 (in Russian)].
9. Тимохин Д. М. Инкорпорирование кочевников в военную и административную систему оседлых политий: на примере Хорезма в домонгольский период. *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность.* 2024 (в печати) [Timokhin D. M. Incorporation of nomads into the military and administrative system of settled politics: on the example of Khorezm in the pre-Mongol period. *Vostok (Oriens). Afro-Asian Societies: History and modernity.* 2024 (in Russian)].
10. Тимохин Д. М., Тишин В. В. К вопросу о локализации «сражения на Тургайской равнине» между армией Хорезма и монгольским корпусом Джучи-хана. *Наследие Золотой Орды в государственности и культурных*

традициях народов Евразии. Материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 4–6 мая 2016 года). М.: Медина, 2017. С. 516–534 [Timokhin D. M., Tishin V. V. On the issue of localization of the “battle on the Turgai plain” between the army of Khorezm and the Mongolian corps of Jochi Khan. *Heritage of the Golden Horde in statehood and cultural traditions of the peoples of Eurasia. Materials of the international scientific and practical conference (St. Petersburg, May 4–6, 2016)*. Moscow: Medina, 2017, pp. 516–534 (in Russian)].

11. Тимохин Д. М., Тишин В. В. Происхождение Теркен-хатун, матери хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада: к проблеме соотношения этнонимов в восточном Дешт-и Кыпчаке в XII — начале XIII в. в исторических источниках. Материалы II-й научной конференции средневековой истории Дешт-и Кыпчака. Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2018. С. 83–103 [Timokhin D. M., Tishin V. V. The origin of Terken-khatun, the mother of Khorezm Shah Ala al-Din Muhammad: on the problem of the correlation of ethnonyms in Eastern Desht-i Qipchak in the 12th — early 13th centuries in historical sources. *Materials of the 2nd scientific conference of the medieval history of Desht-i Qipchak*. Pavlodar: NPF “ECO” LLP, 2018, pp. 83–103 (in Russian)].
12. Тишин В. В. Титулатура кыпчакских племен в структуре империи Хорезмшахов-Ашүштегинидов (на примере одного клана). Часть 1. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2024. № 5. С. 31–43. [Tishin V. V. The titlature of the Kipchak tribes in the structure of the Khorezmshakh-Ashshteginid Empire (on the example of one clan). Part 1. *Vostok (Oriens). Afro-Asian societies: History and modernity*. 2024. No. 5. P. 31–43. (in Russian)].
13. Bāstānī Pārīzī M. E. AFẒAL-AL-DĪN KERMĀNĪ. *Encyclopædia Iranica*. London: Routledge & Kegan Paul, 1985. Vol. I. Fasc. 6, p. 599.
14. *A History of Persian Literature*. Vol. X: *Persian Historiography*. Ed. by Ch. Melville. London — New York: I. B. Tauris, 2012.
15. Ibn-el-Athiri *Chronicon quod perfectissimum inscribitur*. Vol. 12: *Annos H. 584–628*. Ed. by C. J. Tornberg. Upsaliæ: C. A. Leffler, 1853 (in Arabic).
16. Juwaini. *The History of the World-conqueror*. Transl. J. A. Boyle. Manchester: Manchester University Press, 1997.
17. Kafesoğlu I. Harezmsahlr devleti tarihi (485–617 / 1092–1229). Ankara: Türk Tarih Kurumu Basimevi, 1956 (in Turkish).
18. Kermānī Ḥamīd al-Dīn Aḥmad b. Ḥāmed [Afzal al-Dīn]. *Al-Muzāf ilā bedāyi’i al-’azmān fī waqāyi’-i Kermān*. Ed. by ‘Abbas ‘Iqbal. Tehran: Chachhahe-e Mejlis, 1331 (in Persian).
19. Köymen M. A. Kirman Selçukluları tarihi. *Ankara Üniversitesi Dil Ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi*. 1943. No. 2(1), ss. 127–134 (in Turkish).
20. Merçil E. *Kirman Selçukluları*. Ankara: Türk Tarih Kurumu basimevi, 1989 (in Turkish).
21. Sümer F. *Oğuzlar (Türkmenler): tarihleri, boy teşkilâtı, destanları*. Ankara: Ankara üniv. basimevi, 1972 (in Turkish).
22. *Ṭabakāt-i-Nāsirī: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia, Including Hindustan; from A. H. 194 (810 A. D.) to A. H. 658 (1260 A. D.) and the*

Irruption of the Infidel Mughals into Islam. Vol. I–II. Ed. by Minhāj-ud-dīn, Abū-'Umar-i-'Usmān; transl. from original Persian manuscripts by H. G. Raverty. London: Gilbert & Rivington, 1881.

23. *Ta'rīkh-i-Jahān-gushā of 'Alā'u d-Dīn 'Aṭa Malik-i Juwaynī* (composed in A. H. 658 = A. D. 1260). Ed. by Qazvīnī, Muḥammad. Leyden — London: E. J. Brill; Luzac & Co., 1916 (in Persian).

Информация об авторе

Тимохин Дмитрий Михайлович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Востока Института востоковедения РАН, Москва, Россия; horezm83@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9093-5269>.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 10.01.2024; одобрена рецензентами 19.01.2024; принята к публикации 19.01.2024; опубликована 20.12.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Dmitry M. Timokhin — Ph. D. (History), Senior Researcher of the Department of the history of Orient, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; horezm83@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9093-5269>.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 10.01.2024; approved after reviewing 19.01.2024; accepted for publication 19.01.2024; published 20.12.2024.

The author has read and approved the final manuscript.